

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПАТРИСТИКИ

Рассмотрены телеологический и историко-филологический подходы, доминирующие в современных исследованиях патристических философских произведений. Показано, что ни один из этих подходов не нацелен на реконструкцию философского содержания творчества изучаемых мыслителей и используемой ими аргументации. В качестве альтернативы предложен аналитический подход к истории патристической философии.

Ключевые слова: патристическая философия, телеологический подход, антиковедение, аналитическая философия.

Поводом для написания данной статьи послужило издание русского перевода монографии профессора Пизанского университета К. Морескини «История патристической философии» [2011]. Выхода этой заранее анонсированной книги в России ждали давно, так как в отечественной науке, в отличие от западной, существует острая нехватка любой исследовательской литературы по патристике, что же касается изучения философского содержания патристического наследия, то здесь ситуация просто катастрофическая. До недавних пор творчество древних христианских мыслителей у нас в основном рассматривалось лишь с церковно-исторической или богословской точки зрения, а изучение их философских достижений не считалось приоритетной задачей. Из-за отсутствия не только отечественной, но даже переводной научной литературы на эту тему, основная часть российского философского сообщества убеждена в том, что никакой философии в текстах отцов церкви нет и быть не может. А тем «белым воронам», которые пытаются изучать патристическую философию, приходится все время кивать в сторону Запада, чтобы отстаивать перед коллегами научную значимость собственных исследований.

В 2006 г. вышла первая в истории современной российской науки монография, посвященная масштабному исследованию

античной христианской философской традиции: книга В. М. Лурье «История византийской философии. Формативный период» [2006]. Но, к сожалению, она не оправдала завышенных ожиданий философской и богословской публики. И академические рецензенты, и интернет-блогеры обвиняли Лурье в антинаучности, фантазерстве и жонглировании фактами. Однако никаких альтернативных исследований на русском языке в тот момент просто не было. И вот в 2011 г. наконец-то был издан перевод «Истории патристической философии» К. Морескини. Эта монография в некотором смысле оказалась полной противоположностью своей предшественницы: в отличие от чересчур «авторской» работы Лурье, книга Морескини вобрала в себя результаты нескольких десятилетий работы сотен ученых – лингвистов, литературоведов и историков. Она дает читателю возможность погрузиться в атмосферу того мощного прорыва в области исследований позднеантичной литературы, который произошел в европейской науке во второй половине XX в. Автору удалось не только обобщить материал, но даже выстроить историческую перспективу того, как менялись характер исследований и научная «мода» на протяжении десятилетий. Тем не менее, несмотря на объем и фундаментальность, Морескини обходит стороной собственно философское содержание древ-

них произведений, так как его внимание в основном сосредоточено на филологической проблематике.

Эти две книги как нельзя лучше олицетворяют собою два подхода, господствующих в историко-философских исследованиях патристики. Оба этих подхода присутствуют и в других областях истории античной философии, но там разница между ними просматривается не так четко, как в истории патристики. Первый подход, которому соответствует исследование В. М. Лурье, в рамках данной статьи мы назовем «телеологическим», а второй, к которому относится работа К. Морескини, – «историко-филологическим».

Родоначальником телеологического подхода в истории философии является Аристотель¹. В его работах, как и в трудах его учеников, четко прослеживается мысль о том, что вплоть до него существовала непрерывная философская традиция, занятая решением одних и тех же основополагающих философских проблем, и что ему удалось найти эти решения. Называя такое отношение к истории философии «телеологическим прогрессизмом», Л. Я. Жмудь указывает на то, что при подобном подходе творчество всех предшествовавших философов рассматривается как подготовка к окончательной формулировке истинной теории, как процесс эволюции философской мысли, имеющий и начало, и завершение [2012. С. 15]. История философии рассматривается как «история уже решенных проблем» [Там же. С. 20], а учения философов оцениваются с точки зрения их соответствия «правильной» теории. После Аристотеля телеологический подход начал доминировать в античной историографии философии и не утратил своей популярности и по сей день [Там же. С. 16]. Этот подход хорошо знаком нам по историко-философским взглядам Гегеля, Маркса, Хайдеггера, Рассела и тех мыслителей, которые полагали, что отыскивали ответ на «основной вопрос», на пути к которому блуждали все их предшественники.

Если же говорить о телеологическом подходе применительно к истории христианской философии, то здесь он обретает дополнительное подкрепление в виде проце-

дуры фиксации церковных догматов. До тех пор пока какой-либо спорный богословский вопрос остается открытым, т. е. относится к «теологуменам», он требует философского осмысления и полемики. Но как только по решению собора или другого авторитетного органа признается истинной только одна точка зрения, она из теологумена переходит в разряд догматов, а любая полемика с догматом уже расценивается как ересь. В связи с этим любой историк философии, верящий в истинность церковных догматов, склонен рассматривать историю богословских споров как «историю уже решенных проблем», а участников этой истории делить на «своих» и «чужих», правых и неправых, тех, кто способствовал достижению конечной цели, и тех, кто им противился. Телеологический взгляд на историю христианской философии вовсе не подразумевает того, что после принятия Церковью какого-либо догмата его философское осмысление должно быть прекращено, просто оно уже становится уяснением того, что не подлежит изменению. Все, что было до провозглашения догмата – это подготовка к нему, а все, что происходило после – это выявление следствий из непреложного тезиса. В каком-то смысле, телеологическая история патристической философии неотъемлема от истории семи Вселенских соборов, и «основным вопросом» всей патристики, с точки зрения телеологии, является христологическая проблема (включающая также и тринитарную проблему), сформулированная в духе догматических постановлений этих соборов. Книга В. М. Лурье, будучи типичным представителем телеологического жанра, целиком посвящена истории разработки христологического догмата в эпоху Вселенских соборов. Неудивительно, что сам автор предпочитает считать свой труд не «историей византийской философии», а «повестью о природе и ипостаси» [2006. С. 530].

Перейдем ко второму подходу, который мы условились называть «историко-филологическим». Значительная часть современной западной научной литературы, посвященной античной философии и патристике, относится к тому направлению, где нет демаркационных линий между гуманитарными науками и где все они складываются в единую дисциплину – антиковедение (*Altertumswissenschaft*, *Classics*). Антиковедение изучает явления античной культуры по-

¹ Подробнее о телеологическом подходе в историко-философских исследованиях см.: [Вольф, Берестов, 2007. С. 203–206].

средством привлечения всех доступных гуманитарно-научных средств: в первую очередь филологии, во-вторых, истории, а также, по необходимости, археологии, папирологии и т. п. Если объектом антиковедческого внимания становится древний философский текст, то на помощь ученому приходит и философия, но ее роль в исследовании все же является не столь значимой по сравнению с филологическими или историческими методами.

Во второй половине XX в. в европейской филологической науке произошел значительный прорыв в области исследования патристических текстов, который позволил по-новому взглянуть на процесс создания церковной литературы. Благодаря развитию информационных технологий появилась возможность проводить сравнительный анализ огромного корпуса античных текстов и отыскать в нем ранее не замеченные языковые параллели между христианскими и прочими произведениями той эпохи. Успехи филологов оказались столь ошеломительными, что теперь многие богословы и философы считают, что никакое изучение древних текстов не может быть проведено на должном научном уровне, если оно не будет сопровождаться перечнем ключевых терминов, словосочетаний и метафор, встречающихся помимо исследуемого текста в других источниках, а также выдвижения гипотез о возможном влиянии одних авторов на других. В результате исследователи патристики сосредоточили свой интерес на изучении истории и специфики употребления основных философско-богословских терминов, взяв на вооружение весь современный филологический инструментарий.

Еще одним немаловажным компонентом патристических исследований (Patristic Studies) является привлечение всевозможных средств как филологической, так и исторической науки для получения текстологической информации о дошедших до нас произведениях. Здесь основная задача ученого – установление авторства, даты и обстоятельств написания текста. В том случае, когда возникают опасения, что произведение дошло до нас в искаженном виде (а такие опасения возникают сплошь и рядом), предпринимаются попытки восстановить оригинальный текст через сопоставление имеющихся списков и переводов на другие древние языки. Таким образом, главной це-

лью историко-филологического подхода к изучению патристической литературы является получение, в некотором смысле, «внешней» информации о древних произведениях, т. е. собственно исторических и филологических данных. К «внутреннему» содержанию текстов исследователи чаще всего обращаются только в тех случаях, когда оно может пролить свет на «внешние» обстоятельства. Так, например, анализ использованных в произведении терминов, метафор и даже концепций в первую очередь, нужен для того, чтобы уточнить авторство и выявить возможные источники заимствования или влияния одних авторов на других, что, по сути, также является «внешней» для текста информацией. Еще одна причина обращения историков к «внутреннему» содержанию произведения связана с необходимостью снабдить всестороннее историко-филологическое описание текста его кратким конспектом и списком обсуждаемых в нем вопросов. В идеале, утопическим итогом такой работы должно стать создание грандиозной базы данных, включающей воссозданные оригинальные тексты, подлинную информацию об их авторах и о том, какими текстами эти авторы пользовались и откуда заимствовали каждую фразу или идею, сведения о времени, месте и обстоятельствах написания произведений, а также исчерпывающую картину того, как и с какими изменениями каждый текст был скопирован, процитирован и переведен. Понятно, что при таком подходе анализ философских построений и аргументации древнего автора не входит в число приоритетных задач.

Монография К. Морескини относится именно к такому жанру исследований². Центральное внимание в его «Истории патристической философии» уделяется воссозданию литературного фона эпохи, в которой рождались произведения раннехристианских мыслителей. Его методология не подразумевает углубленного анализа теоретических построений кого-либо из христианских писателей, но ориентирована на выявление терминологических и концептуальных сходств между их текстами и произведениями языческой культуры. Основное содержание большинства разделов книги, посвященных

² См. более подробную рецензию на книгу К. Морескини: [Бутиков, 2013].

учению какого-либо христианского мыслителя, включает в себя, во-первых, перечисление некоторых терминов и метафор, встречающихся в его произведениях; во-вторых, перечисление тех мест в произведениях более ранних писателей, где есть аналогичные термины или метафоры; и, наконец, заключительный вывод о том, что христианский писатель находился под влиянием указанных более ранних текстов. На этом раздел заканчивается, и автор переходит к следующему мыслителю. Сам Морескини описывает свой метод таким образом: «В задачи настоящего исследования не входит... аналитическое выстраивание антропологического и богословского фундамента... Наша цель состоит в том, чтобы поместить великого христианского мыслителя в контекст культурной атмосферы его времени и выделить те отношения, которые связывали его с современной ему философией» [2011. С. 194]. Эта формулировка вполне согласуется с исследовательскими задачами принятого в современной науке историко-филологического подхода.

И телеологический, и историко-филологический подходы к изучению истории античной философии считаются признанными и традиционными парадигмами в исследованиях патристического наследия. При этом они не являются несовместимыми или взаимоисключающими, но также и комплементарными. Многие исследователи пытаются совмещать в своих работах элементы как одного подхода, так и другого, хотя такое совмещение не делает их результаты более обоснованными, так как слабые стороны каждого из подходов не компенсируются сильными сторонами другого. Каковы же основные недостатки телеологического и историко-филологического подходов? Проиллюстрируем их на примерах монографий В. М. Лурье и К. Морескини.

На наш взгляд, наиболее уязвимым местом телеологического подхода к истории патристической философии является его изначальная установка на то, что творчество всех изучаемых философов рассматривается лишь относительно цели философского процесса, намеченной самим исследователем. Об этом же пишет М. Н. Вольф: «Общий смысл такого телеологического подхода можно выразить так: древние философы оцениваются в зависимости от того, насколько реконструируемые современными

интерпретаторами решения совпадают с идеалом самого интерпретатора» [2012. С. 34]. В том случае, когда речь идет об истории всей античной философии, телеологически ориентированный исследователь волен сам выбирать, учение кого из философов он примет за конечную истину. В том же случае, когда дело касается истории патристики, этот выбор уже обусловлен его конфессиональной принадлежностью. История всей патристической философии рассматривается как подготовка к принятию церковного догмата. В этом едином историческом процессе каждый мыслитель лишается самостоятельности и рассматривается лишь как звено единой цепи, а точнее, звено одной из цепей – либо ортодоксальной, либо еретической. В своей книге В. М. Лурье видит исследовательскую задачу в том, чтобы во всем многообразии полемических философских текстов суметь выявить «традиции», которые представляются ему как «непрерывные линии», а затем воссоздать «сложную картину взаимодействия разных таких традиций» [2006. С. 534]. Коль скоро изначальным предметом исследования являются «традиции» и их взаимодействие, то здесь не остается места самим мыслителям и их произведениям. Более того, с этой точки зрения мы даже не имеем возможности рассматривать творчество отдельных мыслителей вне контекста пресловутой «традиции», ведь каждый из них является лишь передаточным звеном³. Так, например, говоря об интерпретации произведений Максима Исповедника и том влиянии, которое оказали на Максима работы Григория Назианзина, В. М. Лурье пишет: «Если мы не будем знать этого контекста, наше представление о тех мыслях св. Максима, которые он сформулировал, ссылаясь на св. Григория... останется очень и очень приблизительным» [Там же. С. 533–534]. Другими словами, Максим как бы предстает в роли невнятного и косноязычного автора, не способного изложить свои идеи так, чтобы читатель мог в этом разобраться без предварительного прочтения работ Григория. Похоже, что в рамках телеологического

³ Стремление выстроить из мнений философов непрерывную линию преемства соответствует изобретенному перипатетиками историографическому жанру «преемства философов», который был созвучен применявшемуся в Ликее телеологическому подходу к истории философии [Жмудь, 2012. С. 8].

подхода все мыслители, жившие до времени окончательной формулировки истинного учения, будут расцениваться либо как заблуждавшиеся, либо, в лучшем случае, как недопонимавшие или путавшиеся, и понять их можно лишь тогда, когда они будут встроены в контекст «традиции».

П. Б. Михайлов в своей рецензии на книгу В. М. Лурье приводит удачное сравнение используемого им метода с раскладыванием пасьянса [2010. С. 445]. И действительно, для достижения цели телеологического подхода необходимо лишь правильно разложить множество разных карт в цепочки стройных последовательностей. Каждый элемент телеологической схемы интересен ровно настолько, насколько он встраивается в последовательность или «традицию», а все остальные его особенности оказываются лишними. Но, как справедливо замечает П. Б. Михайлов: «Не заслоняет ли традиция мысль отдельного автора?... существует материал первичный по определению – само наследие того или иного автора, по отношению к которому вопросы традиции, истории текстов или рецепции носят лишь дополнительный характер» [Там же. С. 442]. Безусловно, выявление интеллектуальных традиций и линий преемства философских идей является важной и интересной задачей, но вряд ли можно оправдать методологический отказ от учета мнения мыслителя ради удобства встраивания его в какую-то традицию. Итак, основным недостатком телеологического подхода к изучению творчества античных христианских философов является, по сути, отказ от изучения творчества самих этих философов.

Каковы же «слабые места» историко-филологического подхода к изучению античных и, в частности, патристических философских произведений? Казалось бы, этот строго научный метод не должен иметь недостатков телеологического подхода, коль скоро, в отличие от него, он опирается исключительно на факты, а не на какие-то искусственно навязанные древним философам гипотетические «традиции». Тем не менее, как уже было сказано выше, исследования, проводимые в рамках данного подхода, точно так же игнорируют философское содержание анализируемых текстов. Поскольку основное внимание исследователя сосредоточено на получении «внешней», сопутствующей тексту информации, то «внутрен-

нее» содержание изучаемого философского произведения не вызывает профессионального интереса. Следует подчеркнуть, что, говоря об отсутствии интереса к философскому содержанию текста, мы вовсе не имеем в виду то, что филологи не читают изучаемые ими философские тексты. Напротив, профессиональный антиковед или патролог обязан сопроводить историко-филологическое описание богословского трактата перечнем обсуждаемых в нем проблем и предложенных решений, но изучение того, как эти решения были получены, уже выходит за рамки его исследования. Другими словами, филолог обращает внимание на то, во что верил древний мыслитель, а не на то, как он обосновывал эту веру, на его мировоззрение, а не на философию.

Основной исследовательский интерес К. Морескини в его монографии «История патристической философии» направлен на поиск терминологических и концептуальных параллелей между христианскими и языческими произведениями поздней Античности. Текст монографии напоминает нескончаемый каталог ссылок на те античные тексты, где попадаются сходные слова и выражения. Причем у читателя зачастую нет возможности оценить, насколько важным является некое понятие для философской концепции обсуждаемого мыслителя, так как автор ограничивается лишь описанием того, где и в каком контексте встречается соответствующий термин, не вдаваясь в философию⁴. Коль скоро внимание Морескини сфокусировано лишь на выявлении

⁴ Иногда К. Морескини сам признает ограниченность выбранной им методологии, как, например, в случае с фразой Боэция о том, что «субстанция Бога есть форма, лишённая материи» (*De Trin.* 2). Он не может отыскать ни «происхождения» этого утверждения, ни его «культурного фона» [Морескини, 2011. С. 560]. Не вникая в тщательно выстроенную аргументацию трактата «О Троице», Морескини ищет параллели в других произведениях Боэция, по-видимому, считая цитаты из одних работ пригодными для интерпретации других. Чуть дальше он снова сталкивается с аналогичным затруднением, когда пытается установить связь между трактатами «О Троице» Боэция и Августина [Там же. С. 574]. Ему опять не хватает филологических данных для подтверждения этой связи, и он вновь вынужден искать терминологические параллели в других работах Августина. При этом он никак не учитывает того обстоятельства, что Боэций (*De Trin.* 4–6) повторяет и дорабатывает аргументацию Августина (*De Trin.* V.5.6), основанную на применимости к Богу аристотелевских категорий и, в особенности, категории отношения (*ad aliquid*).

параллельных мест, то весь материал, находящийся за пределами текстуальных пересечений, практически не учитывается. Собственные идеи христианских мыслителей, оригинальные повороты в аргументации, наконец, сама философская система оказываются «за бортом», и все они превращаются в пересказчиков Порфирия, Цицерона или Апулея и становятся неразличимыми. Неудивительно, что важнейшие теоретические проблемы патристики – тринитарная и христологическая – практически не отражены в монографии. Точнее, тринитарная проблема обсуждается исключительно в рамках ее сходства с платоническими рассуждениями о Едином, Уме и Душе. Что же касается христологической проблематики, то коль скоро ключевые вопросы христологии не имели аналогов в языческой философии, то и в «Истории патристической философии» для них места не нашлось. Это не есть проявление недостатка внимания или недоработки автора – и сам К. Морескини, и обильно цитируемые им коллеги весьма скрупулезны и последовательны в своем методе. Просто сам историко-филологический подход к изучению античных философских текстов не подразумевает необходимости анализа содержащихся в них философских построений.

Таким образом, мы вынуждены признать, что оба основных подхода к изучению патристической литературы, практикуемых в наши дни, не заинтересованы в изучении уникальной философской проблематики и аргументации, содержащейся в произведениях христианских мыслителей. Поэтому для того, чтобы успешно решать эту задачу, историкам философии потребуются принять иную парадигму, отличную от двух предыдущих. В качестве перспективного направления можно предложить тот подход, который сформировался в рамках аналитической философской традиции. Аналитические методы исследования патристических философских текстов нацелены главным образом на анализ структуры теоретических построений, вычленение способов аргументации и реконструкцию используемых философами теоретических моделей. В качестве объекта аналитического исследования выступает сам философский текст: не традиция, не общекультурный фон, не подборка текстов, написанных разными авторами, и даже не собрание сочинений одного автора,

а конкретный текст или его фрагмент, в котором излагается обоснование какого-либо тезиса, т. е. имеется явная или имплицитная полемика. Предметом исследования является содержащаяся в данном фрагменте аргументация, тогда как весь остальной материал – представленное учение, использованные понятия и метафоры и т. п. – расценивается лишь как вспомогательная информация. При этом под аргументацией подразумевается не только строгая логическая дедукция, но и индуктивные аргументы, а также другие способы обоснования своей точки зрения, даже, например, софизмы и риторические приемы. Анализ аргументации может включать в себя попытки логической формализации приведенных доводов, реконструкцию теоретической модели, в рамках которой проводится процедура обоснования, и оценку корректности и когерентности аргументов. Следует отметить, что зачастую текст не требует полномасштабного использования всего инструментария аналитической философии, он легко «поддается» даже обычному внимательному прочтению, нацеленному на выявление структуры аргументации. Слабая изученность патристических аргументов связана не с тем, что их реконструкция требует применения каких-то изощренных методов, а с тем, что историки философии просто не проявляют интереса к этой стороне их содержания. В качестве примеров использования аналитического подхода при изучении патристических произведений приведем несколько полученных нами результатов. Нам удалось показать, что высказанный Григорием Назианзином запрет на философские рассуждения о Троице является лишь риторическим приемом и не следует из его гносеологической позиции [Бутаков, 2012а]. Кроме того, было продемонстрировано, что разница между отношениями «рождения» и «исхождения» в Троице в «Словах о богословии» того же Григория вызвана необходимостью терминологической дистинкции и не связана с какими-либо существенными различиями между этими отношениями [Там же]. Также благодаря анализу тринитарных теоретических моделей Григория и Боэция стало ясно, что привлечение ими аристотелевской категории отношения было обусловлено решением разных полемических задач, поэтому подобие их моделей ограничено лишь сходной терминологией [Бутаков, 2012б].

Какой же все-таки интерес представляют для истории философии древние церковные тексты? Христианская литература начала формироваться в рамках академических стандартов эллинистического мира, что заставляло церковных писателей следовать общепринятым нормам греческой рациональности. Это значит, что даже если догматическое содержание христианских текстов было новым для античного читателя, способы аргументации все равно в целом не выходили за рамки общепринятых норм. Аналитический историко-философский подход к изучению патристики позволит выявить методы рационального обоснования суждений не на привычном материале греческой философии, а на текстах новой интеллектуальной традиции, возникшей на ее основании. Возможно, это позволит сделать выводы о наличии некоторых универсальных проблем философской аргументации, не зависящих от мировоззрения и метафизики, а также оценить новизну вклада христианских мыслителей в философскую методологию.

Список литературы

Бутиков П. А. Роль иррационалистической аргументации в творениях Григория Назианзина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012а. Т. 10, вып. 2. С. 163–171.

Бутиков П. А. Категория отношения в раннехристианской триадологии // Вестн.

Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012б. Т. 10, вып. 4. С. 134–141.

Бутиков П. А. Поиски философии в патристике. Морескини К. История патристической философии // Вестн. Православн. Свято-Тихон. гуманит. ун-та. Серия 1: Богословие. Философия. 2013. Вып. 2 (46). С. 128–142.

Вольф М. Н., Берестов И. В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Т. 1, вып. 2. С. 203–246.

Вольф М. Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 382 с.

Жмудь Л. Я. Доксография в ее связи с другими жанрами античной историографии философии // Историко-философский ежегодник 2011 / Ин-т философии РАН. М.: Канон+РООИ Реабилитация, 2012. С. 5–39.

Лурье В. М. История византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxioma, 2006. 573 с.

Михайлов П. Б. Вопросы византийской философии: новая книга В. М. Лурье // Философия религии: Альманах 2008–2009 / Под ред. В. К. Шохина; Ин-т философии РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 440–448.

Морескини К. История патристической философии. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2011. 864 с.

Материал поступил в редколлегию 06.06.2013

P. A. Butakov

APPROACHES TO THE STUDIES OF HISTORY OF PATRISTIC PHILOSOPHY

The paper discusses the two approaches which currently dominate the studies of patristic philosophy: the teleological approach and the approach of classical history and philology. It is shown that none of the two approaches aim to reconstruct the philosophical content and the argumentation of the ancient Christian writers. As an alternative, it is suggested to apply the analytic approach to the history of patristic philosophy.

Keywords: patristic philosophy, teleological approach, classics, analytic philosophy.